

Глава 1933А – Возвращение в знакомые земли

"Брат?"

Увидев Линь Мина, тихо глядящего на свою чашу с вином, Цзян Баоюнь не мог не обратиться к нему.

Линь Мин поднял глаза. "Спасибо..."

Цзян Баоюнь был поражен. Он не понимал, за что Линь Мин поблагодарил за него, но это было неважно. Он широко улыбнулся и сказал: «Кажется, положено начало новой дружбы. Сегодня никто из нас не уснет, пока не будет пьян! »

Цзян Ланьцзянь был настроен также благодушно и засмеялся: «Ха-ха, кто не пьян, тот не будет спать!»

Цзян Баоюнь посмотрел на Линь Мина и вдруг сказал: «Честно говоря, ты похож на кое-кого, кого я знал однажды, поэтому и я пригласил тебя сюда, чтобы выпить вина».

"Мм..."

Линь Мин умолк, не говоря слишком много.

«Друг, ты совершенно особенный» Цзян Баоюнь был ошеломлен. Любой другой спросил бы, кого он напоминал ему, но этот мужчина в маске произнес только своё «мм».

Цзян Баоюнь допил свою чашу вина. Он вспомнил то время, 130 лет назад в Седьмой Главной Долине, когда он сражался с Линь Мином в их непревзойденной битве. В его жизни это был самый незабываемый бой.

Он вздохнул и сказал: «Ты действительно похож на моего старого друга, но ты другой. Ты не выглядишь таким же настойчивым, как он, скорее, как старик на закате своей жизни. Но, бремя на твоей спине, кажется, намного тяжелее ...

Тот мой старый друг ... Однажды я пытался пойти его по стопам, но он продолжал уходить все дальше и дальше прочь, пока я больше не мог его видеть. Теперь он должен был уже выйти на путь к пику боевых искусств, в конце концов, это была его мечта... »

«Пик боевых искусств ...» тихо сказал Линь Мин, несколько недоумевая. «Что за пик боевых искусств?»

Он задал вопрос Цзян Баюню, и себе тоже.

Истина заключалась в том, что в эти прошлые годы Линь Мин уже начал сомневаться в том, что же такое пик боевых искусств.

Бесчисленные несравненные мастера древних времен искали пик боевых искусств.

Ради пика боевых искусств Шэн Мэй сделала все, что было в ее силах, даже отказалась от своего тела.

Ради пика боевых искусств Божественная Мечта старательно боролась и сопротивлялась.

Ради пика боевых искусств Святой Сын Доброй Удачи охотно слился с абиссалом без всяких колебаний ...

Но как далеко они ушли?

Не упоминая их, даже Хозяин Дороги Асуры или создателя Священного Писания, эти двое... достигли ли они пика боевых искусств?

На что Цзян Баюнь сказал: «Что касается того, что такое пик, я не знаю. Но я считаю, что когда люди видят группу гор, они называют пиком вершину самой высокой горы. Если это так, тогда моя Меч-Гора также является пиком ».

Линь Мин покачал головой: «Меч-Горы ... недостаточно».

«Да, этого недостаточно! Когда я сажусь на вершину Меч-Горы, я могу увидеть всю страну, но страны недостаточно. В этом мире есть бесконечные горные вершины. Но должна быть одна единственная гора, которая является самой высокой. Чем выше горный пик, тем труднее мне забраться туда. И для меня самое страшное, самое ужасное, что я просто не знаю, где эта гора».

Линь Мин спокойно уставился на чашу с вином. Возможно, он уже знал, где эта гора ...

Между тремя великими универсальными божественными орудиями, дорогами сущности, энергии и божественности, Священное Писание, которое культивировало внутреннюю вселенную, и Небесная Сутра культивировала внешнюю вселенную. Объединить их вместе ...

Это ли был самый высокий пик?

Линь Мин не был уверен. Но он знал, что когда Цзян Баюнь показывал своё искусство самсары меча, его двойные мечи не были чем-то достойным в сравнении с культивированием

сущности, энергии, божественности или внешних и внутренних вселенных.

Даже если Цзян Баюнь достигнет конца своей дороги, его пиком будет Меч-Гора.

«И продолжаешь ли ты искать?» Линь Мин внезапно спросил Цзяна Баюня.

«Почему бы и нет?» Цзян Баюнь рассмеялся и снова наполнил свою чашу вином. «Я никогда не перестану искать. Я знаю, что мой кругозор ограничен, и я, возможно, никогда не смогу его найти, но продолжу карабкаться вверх так же, как и раньше, бесконечно. Мне не нужно действительно достигать пика мира, но по мере того, как я поднимаюсь, я буду более чем счастлив просто увидеть, что этот пик выше меня!

А все потому, что, когда я поднимаюсь на новый пик, мой кругозор будет расширяться, и я смогу увидеть, где находится ещё более высокий пик. И когда я поднимусь на этот новый пик, я найду еще один, более высокий, и я продолжу повторять этот путь ... »

«Есть ли смысл в этом?» спросил Линь Мин.

Он знал, насколько коротка жизнь мастера. Если бы мастер раз за разом использовал обходные пути, это только заставило бы его потратить свою молодость впустую.

«Есть» Цзян Баюнь торжественно кивнул. Он перемешал вино в своей чаше: «Даже если мне придется карабкаться без конца до конца жизни, даже если я навсегда останусь маленьким и никогда не увижу, где находится самый высокий пик, тогда, по крайней мере ... Я смогу превзойти себя, и буду продолжать побеждать себя».

Побеждать себя?

В этот момент сердце Линь Мина дрогнуло, словно что-то коснулось его.

Побеждать себя ... в жизни, величайшим врагом человека был он сам.

Цзян Баюнь был обречен никогда не выйти к пику боевых искусств, но он все равно продолжал искать его, потому что каждый раз, когда он поднимался на новый горный пик, означал бы, что он победил свое прежнее «я».

Иногда, даже если человек знал, что то, что он пытался сделать, невозможно, он все равно мчался вперед без колебаний.

Мотылек на пламя – разве нет?

Линь Мин молчал. Он обдумывал эти новые чувства в своем сердце, и молчал.

Однажды он сказал, что он был мотыльком, готовым влететь в огонь.

Однако человек не был мотыльком.

Те, что хотели быть мотыльками, которые летели в огонь, они действительно спешили в этот пылающий ад, но и там видели проблеск надежды.

Раньше Линь Мин тоже был таким.

Он сказал, что он будет мотыльком, который полетит в огонь, и он это сделал, более того, он даже преуспел.

Однако у настоящего мотылька не получилось бы.

Для него полет к огню закончится смертью.

Когда ты не видел надежды, когда огонь полыхал перед тобой, сколько людей все-таки захочет двигаться вперед?

«Давайте еще выпьем!»

Слова Цзяна Баюня вернули Линь Мина к реальности. Линь Мин выпил еще одну чашу вина.

Чаша за чашей, так и закончилось вино тысячелетнего туманного цветка.

Они перешли на новое вино. Горшок за горшком, неизвестно, сколько они их выпили.

Эти трое обычно не напивались. Но сегодня они это сделали.

Когда человек был пьян, его мысли путались.

Жизнь людей.

Обычные люди работали ради средств к существованию, суетились.

Знать и чиновники занимались интригами и заговорами во имя своих стран и людей.

Простые мастера сражались в битвах, рискуя жизнями, чтобы бороться за более высокую границу силы.

Императоры и Истинные Божества интриговали ради своих рас и выживания своего народа ...

Жизнь была битвой, все переплеталось, все было взаимосвязано.

Наслаждаясь брутальностью и остротой жизни, когда мысли были действительно запутаны, возможно, именно тогда можно было действительно понять тайны ...

Это было ощущение от вина, а также абстракция жизни ...

Линь Мин не знал, сколько вина он выпил. Он остановился, когда все трое уже лежали в пьяном оцепенении на земле, погружаясь в сон.

С этой мыслью Линь Мин долго спал.

Прошло много лет с тех пор, как он так отдыхал.

Он не беспокоился о великом бедствии человечества, он не беспокоился о том, что его преследует Истинное Божество, и он не беспокоился о своих угасающих огнях души.

Редкая слабость, редкий момент спутанности.

...

Пробуждение ото сна.

Ночь была темна.

Цзян Баюнь и Цзян Ланьцзянь все еще спали. Стол был уставлен грязными горшками и чашами вина.

Линь Мин некоторое время смотрел на них, а затем встал.

И в это время Цзян Баюнь тоже проснулся.

«Уходишь?»

Цзян Баюнь посмотрел на Линь Мина. Линь Мин кивнул.

"Куда?"

Линь Мин помолчал, прежде чем сказал: «В другое место ...»

У него было предчувствие, что это последний раз, когда он видел Цзян Баюня.

Линь Мин продолжил: «А ты?»

Цзян Баюнь улыбнулся. "Я? Я буду искать ... пик повыше...».

<http://tl.rulate.ru/book/68/382096>